

Секция 1. Политика, экономика и общество Японии

Модератор:

Суслов Денис Владимирович

кандидат экономических наук, Институт экономических исследований ДВО РАН
(Хабаровск), старший научный сотрудник

Развитие японской экономики в условиях пандемии COVID-19

В 2020 г. японская экономика пережила сильнейшее падение за последние 40 лет. По итогам 2 квартала 2020 г. валовый внутренний продукт (ВВП) сократился на 7,8% по сравнению с 1 кварталом. Это сильнейшее сокращение экономики страны с 1980 года, когда впервые стали публиковать сравнительную квартальную статистику. В годовом исчислении ВВП сократился на 27,8%, что также является антирекордом.

Такое значительное падение было вызвано распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Закрытие общественных заведений из-за COVID-19 вылилось в падение потребительских расходов домохозяйств на 8,2% по сравнению с началом года. Показатель экспорта, в который включаются траты иностранных туристов, приезжающих в Японию, обвалился по итогам 2 квартала на 18,5% на фоне закрытия границ. Для сравнения, мировой финансовый кризис 2008–09 гг. обернулся для японской экономики максимальным квартальным снижением на 4,8%. Тем не менее японская экономика переживает нынешний кризисный период лучше многих других развитых стран. Так, например, экономика США в этом же квартале сократилась на 9,5%, Германии - на 10,1%, а Великобритании - и вовсе на 20,4%.

По итогам уже 3 квартала экономика показала своеобразный отскок и ВВП также рекордно вырос на 21,4% в годовом пересчете. В общем и целом, экономике еще только предстоит вернуться в привычное русло – она все еще далека от до коронавирусных уровней. В 3 квартале экономика начала показывать признаки восстановления после первого удара пандемии, который заставил вести режим чрезвычайного положения в апреле – мае 2020 г. Восстанавливаться начала не только экономика, но и потребление, и экспорт.

Экономисты также прогнозируют, что темпы экономического роста в 4 квартале 2020 г. и 1 квартале 2021 г. могут составить 4,04% и 2,4%.

Официальные представители Министерства здравоохранения Японии 21 ноября 2020 г. сообщили, что в стране было зафиксировано рекордно большое число новых случаев коронавируса – 2596. В шести префектурах страны от болезни скончались 12 человек, включая 3 человека в северной префектуре Хоккайдо. По состоянию на эту дату 313 человек с тяжелой формой заболевания получают помощь в виде респираторов и интенсивной терапии. Токийские столичные власти подтвердили выявление 539 новых случаев коронавируса в столичной префектуре, обновив суточный рекорд. Третий день подряд прирост новых случаев инфицирования в Токио превышает 500. Теперь общее число коронавирусных инфекций, подтвержденных в столичной префектуре, составляет 37317. Общее же количество подтвержденных случаев коронавирусных инфекций в Японии достигло 131663, включая 712 на борту круизного лайнера. Число

подтвержденных летальных исходов COVID-19 составляет 1994, в том числе 13 на круизном судне.

Совет экспертов, консультирующий Министерство здравоохранения Японии, предупредил, что в случае дальнейшего распространения вспышки COVID-19 системам медицинского обслуживания и общественного здравоохранения может быть нанесен серьезный удар. Как сообщил этот совет 24 ноября 2020 г., число случаев инфицирования растет, в основном, в префектуре Хоккайдо и в районах таких крупных городов, как Токио, Осака и Нагоя. Эксперты сообщили, что также растет число госпитализаций и тяжелых случаев, заставляя больницы ограничивать проведение некоторых операций и предоставление экстренной помощи. Они также сообщили, что становится все труднее лечить пациентов с коронавирусом и одновременно оказывать регулярные медицинские услуги, предупредив, что пациенты, которых обычно спасали, могут не выжить. Совет призвал центральное правительство и местные органы власти реализовать план, предложенный в пятницу другой правительственной консультативной группой. В этом плане содержится ряд мер по борьбе с коронавирусом.

На фоне осеннего роста числа случаев заболевания COVID-19 Банк Японии сохранил прежние параметры денежно-кредитной политики по итогам двухдневного заседания, которое завершилось 29 октября 2020 г. Краткосрочная процентная ставка по депозитам коммерческих банков в ЦБ оставлена на уровне минус 0,1% годовых, целевая доходность десятилетних гособлигаций Японии - около нуля. Целевой объем программы выкупа биржевых индексных фондов (ETF) сохранен на уровне 12 трлн иен (115,04 млрд долл.), лимит для покупки коммерческих бумаг и корпоративных облигаций - 20 трлн иен.

Регулятор ухудшил прогноз о снижении ВВП Японии на текущий финансовый год, завершающийся в марте 2021 года, до 5,5% с ожидавшихся ранее 4,7%, что связано, главным образом, с более медленным, чем ожидалось, восстановлением спроса на услуги. В то же время в квартальном отчете японского Центробанка отмечается, что "экономическая активность в Японии постепенно повышается, и последствия пандемии COVID-19 ослабевают". В связи с этим, ситуация в экономике страны, "вероятно, продолжит улучшаться".

Прогноз роста ВВП Японии на следующий финансовый год повышен Центробанком до 3,6% с ожидавшихся в июле 3,3%. Потребительские цены без учета свежих продуктов питания, ключевой показатель инфляции в стране, согласно прогнозу Банка Японии, в текущем финансовом году снизятся на 0,6% (предыдущий прогноз - минус 0,5%). В ближайшие два года японскому ЦБ не удастся добиться 2%-й инфляции: по итогам финансового года, который завершится в марте 2023 года, потребительские цены, как ожидается, вырастут лишь на 0,7%.

Тихоцкая Ирина Сергеевна,

к.э.н., доцент, доцент географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пандемия ковид-19 в японии: особенности протекания и влияния на общество

Пандемия КОВИД-19 стала главным фактором мирового развития, затронув большинство стран мира. В докладе анализируются особенности протекания пандемии в Японии в сравнении с другими странами, выявляются отличительные черты ответа японского правительства на пандемию и оценивается японская модель стратегии противостояния распространению нового вируса. Этому посвящена первая часть доклада.

Безусловно, еще рано подводить итоги, но очевидно, что первую волну пандемии (февраль – июль 2020 г.) Япония преодолела наиболее успешно среди стран Большой семерки, и осенью, когда в большинстве развитых стран отмечался взрывной рост заболеваемости и вновь вводились запретительные меры и ограничения, ситуация в Японии отличается в лучшую сторону. Это не означает, однако, что Япония, как и другие страны, не сталкивается со множеством проблем. В то же время, несмотря на большие финансовые потери и трудности многих отраслей хозяйства (среди наиболее пострадавших определенно туризм, ресторанный бизнес, авиаперевозки), ряд отраслей и экономических показателей демонстрируют рост, и в целом восстановление происходит быстрее, чем предполагалось.

Во второй части доклада рассматривается воздействие пандемии на разные стороны жизни японского общества, выделяются негативные и позитивные последствия, а также изменения в образе жизни, прежде всего связанные с широким распространением дистанционной работы, в корне меняющем рынок труда.

Не обойден вниманием в докладе и перенос Олимпийских игр в Токио, к которым японцы так долго и тщательно готовились, ожидая в 2020 г. 40 млн иностранных туристов. И те проблемы, которые теперь стоят перед страной вследствие того, что проведение игр в следующем году потребует особой подготовки и дополнительных затрат порядка 2 млрд долларов.

Распространение по всему миру вируса нового типа ускорило научно-технический прогресс. Новая реальность вызвала появление в Японии инноваций, которые рано или поздно будут присутствовать в жизни людей разных стран, и их рассмотрению и демонстрации в докладе также уделено особое внимание.

В то время как пандемия – явление глобальное, реакция на нее – явление локальное, зависящее от системы управления, состояния системы здравоохранения, и что особенно важно – от уровня культуры и поведения людей каждой страны. Японская реакция на пандемию исходит и из особенностей географического положения, и национального характера, менталитета, а также сложившихся правил поведения. Введенный в апреле-мае японский «мягкий» локдаун (названный «беззубым» в западной прессе) имел реальный эффект, прежде всего, потому, что между властью и людьми существует доверие. Правительство может положиться на соблюдение рекомендаций без введения draconian мер. Главную роль в относительно благополучной ситуации в Японии играет культурный фактор. Иными словами, местные условия играют решающую роль. И тем не менее, с нашей точки зрения, японский опыт может быть полезен и другим странам.

Комаров Михаил Евгеньевич

Аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени Михаила Васильевича Ломоносова

Экономические аспекты подготовки и проведения Олимпийских игр в Токио в условиях пандемии коронавирусной инфекции

30 марта 2020 г. было объявлено об официальном решении о переносе XXXII летних Олимпийских игр в Токио с 2020 г. на 2021 г. в связи с угрозой распространения вируса COVID-19. Это первый в истории официальный перенос Игр на год вперед. Перенос Олимпиады, безусловно, привёл к дополнительным беспрецедентным расходам на подготовку и проведение Игр, которые оцениваются более чем в 3 млрд. долл. В связи с данными расходами Олимпийские игры в Токио (Токио 2020) станут самыми дорогими летними Олимпийскими играми в истории, опередив Игры в Лондоне в 2012 г. с показателем 14,9 млрд. долл.

Изучение этого события с экономической точки зрения, безусловно, представляет значительный научный интерес, в связи с тем, что, как уже было отмечено, это беспрецедентное событие, влекущее за собой колоссальные финансовые расходы, которые будут подробно рассмотрены в данной работе.

Официальный бюджет Токио 2020 по состоянию на 2019 г. составил 12,6 млрд. долл.¹, что превышает первоначальный бюджет, подготовленный Заявочным комитетом Токио, более чем на 70%. В связи с дополнительными расходами, вызванными переносом Олимпиады, бюджет Токио 2020 превысит 15 млрд. долл.

Дополнительные расходы вызваны необходимостью обслуживания объектов инфраструктуры и Олимпийской деревни, дополнительными затратами в связи с продлением контрактов сотрудников и подрядчиков. Кроме того, стоит отдельно отметить расходы на разработку и обеспечение выполнения мер по противодействию распространению коронавируса и т.д. Важно также подчеркнуть наличие транзакционных издержек всех участников процесса планирования Игр в условиях пандемии.

В связи с этим, Организационный комитет Олимпийских и Паралимпийских игр в Токио совместно с Международным олимпийским комитетом (МОК) разработал пакет мер по «упрощению операций» (*simplification*) и снижению затрат, направленный на сокращение расходов на подготовку и проведение Олимпиады в 2021 г. Согласно информации Оргкомитета, в рамках данных мер были разработаны 52 пункта, которые приведут к сокращению суммарных затрат на XXXII летние Олимпийские игры на 280 млн. долл. (около 2% от суммарных затрат на организацию и проведение Токио 2020 до переноса Игр).

По заявлению исполнительного директора Оргкомитета Токио 2020 Т. Муто: «...данная работа [по «упрощению операций»] будет способствовать созданию модели для глобальных мероприятий, включая все Игры в будущем...»². Таким образом, пакет мер по «упрощению операций» и снижению затрат станет своеобразным нематериальным наследием Олимпийских игр в Токио, так как планируется, что данные меры будут имплементированы, к примеру, на ближайших Олимпиадах в Париже в 2024 г. и в Лос-Анджелесе в 2028 г.

Кроме того, операционная группа в составе МОК, Оргкомитета Токио 2020, Токийского муниципалитета и правительства Японии разработала ряд мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции для безопасного проведения Игр в 2021 г. Принимая во внимание, в том числе и лихорадку Зика в Латинской Америке, которая ставила под вопрос проведение летних Игр в Рио-де-Жанейро в 2016 г., можно утверждать, что организация и проведение крупных международных мероприятий в условиях распространения различных вирусных инфекций становятся системной проблемой. Оргкомитет чемпионата мира по футболу в Катаре в 2022 г. и Оргкомитет XXXIII летних Олимпийских игр в Париже уже заявили о том, что будут организовывать и проводить соревнования, уделяя отдельное внимание мерам против распространения вирусных инфекций.

Добринская Ольга Алексеевна,
к.и.н., ст.преподаватель Дипакадемии МИД, н.с. ИВ РАН

Вопросы миростроительства во внешней политике Японии

¹ Организационный комитет Олимпийских и Паралимпийских игр Токио 2020. Сосикиинкай оёби сонота но кэйхи (V4 ёсан): [Бюджет Организационного комитета и других организаций (4-я версия бюджета)]. 組織委員会およびその他の経費 (V4 予算). 20.12.2019. URL: <https://tokyo2020.org/ja/organising-committee/budgets/> (дата обращения: 15.11.2020).

² Цит. по: Reuters. Olympics: Tokyo organisers to save over \$280 million with 'simplification' measures 07.10.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN26S24C> (дата обращения 27.10.2020).

Миростроительство является неотъемлемой частью японского вклада в миротворчество под эгидой ООН. Хотя японские контингенты в 1990-е гг. активно включились в операции по поддержанию мира (ОПМ), Япония изначально стала искать возможности переориентировать свое участие на те аспекты миротворчества, где она могла бы более эффективно задействовать ОПР, что дало повод обратиться к тематике миростроительства. Япония определяет миростроительство как укрепление мира и национальное строительство и придерживается многостороннего подхода к укреплению политических, экономических и социальных механизмов в стране, одновременно способствуя мирному процессу, безопасности и стабильности³.

Японский подход к миростроительству делает акцент на гуманитарных операциях, деятельности в сфере «безопасности человека» (human security), концепции, которая стала одним из ориентиров политики содействия развитию.

В начале 2000-х гг. миростроительство рассматривалось как основополагающий элемент японской внешней политики, о чем свидетельствовали высказывания руководства страны. Данная тематика, а также комплексный подход к конфликтам стали присутствовать во многих внешнеполитических инициативах в 2002-2003 гг. В 2002 г. при правительстве была учреждена экспертная группа под руководством Я. Акаси с целью изучения международной роли Японии, в центре которой было бы миротворчество и миростроительство. В декабре 2002 г. был выпущен доклад с рекомендациями по укреплению японских возможностей миростроительства, а в Японском агентстве международного сотрудничества (JICA) был учрежден отдел миростроительства. В 2005 г. Япония вошла в только созданную Комиссию по миростроительству, в 2006 г. была направила более 50 млн долл. в Фонд по миростроительству, и по состоянию на декабрь 2018 г. занимала шестое место по размеру взносов⁴. Выступая в ООН в 2014 г., премьер-министр С. Абэ подтвердил намерение Японии обеспечивать людские ресурсы для того, чтобы вносить вклад в миростроительство⁵.

Японский подход к этой проблематике характеризуется сильным акцентом на ОПР с учетом задач обеспечения «безопасности человека» и искоренения бедности. В Японии нередко используют понятие миростроительство в широком смысле, включающее предотвращение конфликтов, создание мира, сохранение мира, за которым следует постконфликтное закрепление мира [Lam 2008: 49].

Обращение к миростроительству отражает компромисс среди разных политических сил внутри Японии. С точки зрения левых сил оно соответствует укоренившимся нормам пацифизма, а для правых - создает возможности для Японии играть большую политическую роль в мире и добиться постоянного членства в СБ ООН. В связи с этим в Японии сложился консенсус по поводу важности миростроительства для ооновской дипломатии.

Лобов Роман Николаевич
эксперт Российского института стратегических исследований

Перспективы развития политического диалога между Сеулом и Токио после смены власти в Японии

³ Peacebuilding // Permanent Mission of Japan to the United Nations. URL: <https://www.un.emb-japan.go.jp/topics/peacebuilding.html> (accessed: 10.07.2020).

⁴ Diplomatic bluebook 2019. 184. <https://www.mofa.go.jp/files/000527154.pdf> - просьба оформить как в 5-ом сноске.

⁵ The Sixty-Ninth Session of the General Assembly of the United Nations - Address by Prime Minister Abe // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201409/unga2014.html (accessed:10.08.2020).

Перестановки в японских властных коридорах вызвали среди экспертов в Республике Корея осторожный оптимизм относительно перспектив развития взаимодействия с Токио. Так, по оценкам наблюдателей, смена власти в Японии дает сторонам шансы хотя бы на снижение накала противоречий в двустороннем диалоге. Вместе с тем, вдумчивый анализ обстоятельств, благодаря которым южнокорейско-японские отношения пребывают сегодня не в самом лучшем своем состоянии, демонстрирует, что надежды Сеула на какие-либо перемены выглядят преждевременными.

События осени 2020 г. показали, что замена С. Абэ на Ё. Суга (имеющего, в том числе, в Республике Корея репутацию умеренного и прагматичного политика) минимально сказалась на содержании японской внешнеполитической линии в целом, и диалоге между Сеулом и Токио, в частности. В данном случае, свою роль сыграл сформировавшийся в последние годы в японском политическом истеблишменте и общественном мнении консенсус, связанный с негативным восприятием подходов Сеула к выстраиванию его дипломатии в отношении Японии.

Упомянутый выше консенсус сформировался из-за стремления правящей в РК либеральной (Демократическая партия «Тобуро») администрации формировать и использовать антияпонские настроения в угоду своим внутривластным целям. Раскручивание скандала, связанного с решением Верховного суда (октябрь 2018 г.) о взыскании с японской стороны компенсаций жертвам принудительного труда в годы Второй мировой войны, а также озвученные намерения конфисковать собственность отдельных японских корпораций привели к углублению кризиса во взаимоотношениях двух стран.

Японская сторона воспринимает подобные действия как грубое нарушение договоренностей 1965 г., которые, как известно, предполагали взаимный отказ сторон от притязаний на имущественные права и компенсаций в обмен на предоставление займов Республике Корея. В течение 2019 г. в Токио неоднократно давали понять, что готовы, в случае необходимости, прибегнуть и к мерам экономического давления на РК (включая, исключение из преференциального «белого списка» экспортеров материалов и компонентов). Однако, как правило, злоупотребление санкционным инструментарием не просто не способствует решению конкретных проблем и сближению переговорных позиций сторон, но и чревато разрушением сложившихся производственных цепочек с участием Японии и Южной Кореи, восстановить которые весьма сложно.

При этом осенью 2020 г. южнокорейская сторона предпринимала попытки наладить диалог с кабинетом Ёсихидэ Суга. В экспертных кругах РК даже озвучивались предложения о проведении совместной встречи в верхах, от которой в Сеуле ожидали достижения неких прорывных решений. Однако перспективы организации такой встречи остаются неопределенными как из-за пандемии COVID-19, так и в силу практического отсутствия в двустороннем политическом диалоге тем, относящихся к позитивной повестке.

Сказывается, впрочем, и невозможность сторон продвинуться вперед в вопросе урегулирования споров по историческим и торговым проблемам. Руководство Республики Корея не готово пойти на попятную, отказавшись от своих ранее выдвинутых претензий по делу о компенсациях потомкам жертв принудительного труда в годы Второй мировой войны. Однако без удовлетворения данного условия маловероятно возвращение РК в преференциальный белый список экспортеров стратегических материалов и компонентов.

Приход к власти в Вашингтоне администрации Джо Байдена может привести к возобновлению американских попыток «примирения» РК и Японии. В частности, стороны могут вернуться к обсуждению Договора о защите военной информации (GSOMIA). Напомним, в ноябре 2019 г. Сеул объявил о «приостановке процедуры выхода» из него, что оставило эту проблему в подвешенном состоянии. Также, если начало 2021 г. действительно будет отмечено эскалацией напряженности на Корейском полуострове (как

этого ожидают отдельные эксперты), то, как это бывало уже не раз, стороны могут начать вынужденное сближение на «северокорейской» почве.

Кистанов Валерий Олегович,

руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

О роли Индо-Тихоокеанской стратегии Токио в отношениях между Японией и Китаем

В настоящее время отношения между Японией и Китаем играют важную роль в формировании геополитического ландшафта в Восточной Азии и оказывают немалое влияние на политическую ситуацию в мире в целом. Однако японо-китайские отношения сильно осложняет ряд непреходящих противоречий, прежде всего, территориальный спор вокруг островов Сэнкаку (по-китайски, Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море.

Негативный эффект на двусторонние отношения оказывает также тот факт, что растущая военная мощь Китая, наряду с северокорейской «ракетно-ядерной угрозой», оценивается не только экспертами, но и в официальных кругах Японии, как главная «угроза» ее безопасности.

Территориальный конфликт и различное восприятие истории двусторонних связей носят устойчивый характер и оказывают сильный негативный эффект на современные японо-китайские отношения. Наряду с этим новой сферой серьезной конфронтации между Японией и Китаем может стать так называемая Индо-Тихоокеанская стратегия, активно продвигаемая Токио на международной арене. Стратегия Абэ «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» восходит к его первому сроку в качестве премьер-министра в 2006-2007 годах. Придя к власти во второй раз в 2012 г., Синдзо Абэ развил свою Индо-тихоокеанскую концепцию.

К настоящему моменту стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» заняла одно из ключевых мест во внешней политике Токио. Ее главная цель, по утверждениям японских официальных лиц, заключается в том, чтобы развивать международный морской порядок в соответствии с верховенством закона, и она не направлена против какой-либо конкретной страны. Однако японские политологи и СМИ не скрывают антикитайскую подоплеку стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Эта стратегия является также геополитическим противовесом растущему экономическому китайскому влиянию и присутствию в Евразии и Африке в рамках инициативы Пекина «Один пояс, один путь». По мнению японских политиков и экспертов, ядром указанной стратегии должна стать «четверка» стран в составе Японии, Индии, Австралии и США, образующих так называемый «Демократический ромб безопасности».

Судя по всему, стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» становится важным направлением внешнеполитической деятельности Японии на обозримую перспективу. Эта стратегия, естественно, вызывает настороженную реакцию Пекина и может в перспективе стать новой сферой противоречий Японии Китая. Однако успех Индо-Тихоокеанской стратегии Японии во многом будет определяться тем, насколько глубоко Токио удастся вовлечь в нее другие страны.

Япония в настоящее время параллельно созданию антикитайского фронта в регионе настойчиво ищет пути снижения напряженности в отношениях с Китаем, как это показал визит Абэ в Китай в октябре 2018 г. У Токио имеются свои расчеты на

сближение с Пекином. Бывший премьер-министр Синдзо Абэ в русле провозглашенного им курса на освобождение Японии от ограничений, наложенных на страну после окончания Второй мировой войны, хотел бы проявить большую самостоятельность на внешней арене, в том числе за счет развития отношений Японии с Китаем. По мнению японских аналитиков, Пекин в последние годы в условиях обострения противостояния с Вашингтоном в сфере экономики, безопасности и других областях также начал постепенно поворачиваться в сторону Токио.

Новый премьер-министр Ёсихидэ Суга начал свою международную деятельность с развития любимого детища Синдзо Абэ – Индо-Тихоокеанской стратегии. Этому был посвящен его зарубежный дебют - визит в такие ключевые страны АСЕАН, как Вьетнам и Индонезия в минувшем октябре.

Заметно усилившаяся в уходящем году напряженность в отношениях Китая с США, Японией, Австралией и Индией все сильнее подталкивает этот «квартет» к объединению своих усилий в сдерживании, как они считают, становящегося все более напористым в экономическом и военном плане Пекина. Прелюдией к поездке Ёсихидэ Суги во Вьетнам и Индонезию стала встреча в начале октября в Токио глав внешнеполитических ведомств «четверки». Но до институционализации указанной группировки стран еще очень далеко.

Пекин с большой настороженностью относится к Индо-Тихоокеанской стратегии Токио, а его стремление скоординировать деятельность «четверки», направленной на сдерживание Китая, называет не иначе как попытками создать азиатскую НАТО. Токио официально отвергает такие обвинения. Судя по всему, концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» становится фактором, все более серьезно отягчающим отношения между Японией и Китаем.

Романова Ирина Алексеевна,
к.и.н., доцент кафедры политологии Востока ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Политика Японии в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: Япония, национальная безопасность, кибербезопасность, киберугрозы, кибердипломатия, информационные технологии, Стратегия по кибербезопасности.

Политика Японии в области кибербезопасности — это комплекс действий и мер, направленных на обеспечение национальной безопасности государства в киберпространстве. Это крайне важная часть государственной деятельности, которая сочетает в себе элементы внутренней и внешней политики. Тем не менее, Япония отстает от других государств в этой области, хотя считается одной из самых высокотехнологичных стран в мире. В частности, Япония в девять раз более уязвима к киберугрозам, чем, к примеру, другие азиатские страны, такие как Южная Корея и Сингапур.

Среди причин уязвимости Японии перед кибератаками можно назвать: во-первых, явную недооценку в японском обществе угроз, исходящих от кибератак - всего лишь менее половины японских предприятий готовы оценить свои риски и менее четверти из них нанимают адвоката, задачей которого является защита активов компании и определение приоритетов безопасности. Во -вторых, это - нехватка квалифицированных кадров в этой области.

Вместе с тем японское правительство предпринимает активные шаги по улучшению ситуации в данной области. В 2013 году кабинет министров сформировал первую Стратегию по кибербезопасности, которая позволила приступить к решению неотложных задач целостно, а не фрагментарно, как это было раньше. Стратегия охватывает экономические, социальные, образовательные, правовые, правоохранительные, технические, дипломатические, военные и разведывательные аспекты. Такой комплексный подход поддерживается на уровне главы правительства, что свидетельствует о приоритетном значении этой проблемы среди других. В 2014 г. был принят Основной закон о кибербезопасности. В соответствии с ним, правительство сформировало Стратегический штаб по кибербезопасности, на который возлагались обязанности по подготовке, проведению и контролю политики в этой области. Стратегический штаб был основан в январе 2015 года в рамках кабинета министров Японии. Национальный центр готовности к кибератакам и стратегии кибербезопасности является секретариатом этого органа. Стратегия кибербезопасности со времени первой ее публикации обновлялась уже дважды. Последняя версия Стратегии была выпущена в 2018 году.

Правительство определило три основных подхода к проведению политики кибербезопасности. Во-первых, это - обеспечение качества поставщиками услуг, во-вторых, это - управление рисками, в-третьих, - участие, координация и сотрудничество. Таким образом, планируется создать устойчивую «экосистему кибербезопасности», которая будет функционировать благодаря автономным инициативам всех заинтересованных сторон, взаимно влияющих друг на друга.

Особенно следует отметить шаги японской дипломатии по продвижению международного сотрудничества на разных уровнях, которая способствует повышению степени защищенности государства от киберугроз. Япония имеет несколько иностранных партнеров в этой сфере. Основным партнером Японии являются Соединенные Штаты Америки, с которыми страна проводит большое количество заседаний в разных форматах: кибердиалог Япония-США, Диалог о сотрудничестве Японии и США по вопросам политики в области интернет-экономики, Рабочая группа по оборонной политике Японии и США, Форум по информационным технологиям между США и Японией

В сфере кибербезопасности Япония также сотрудничает с европейскими странами, НАТО, странами АСЕАН, Индией, Австралией, Израилем. Международное участие Японии в области кибербезопасности является широким по своему охвату. Одной из причин являются предстоящие летние Олимпийские и Паралимпийские игры в 2021 году в Токио.

Главным вопросом повестки дня кибердипломатии Японии остается достижение консенсуса с единомышленниками в отношении ответственного поведения государства в киберпространстве. На саммите G20 в 2019 г. премьер-министр Абэ Синдзо официально запустил программу «Osaka Track», направленную на активизацию усилий по разработке международных правил в области цифровой экономики, особенно в отношении потоков данных и электронной торговли, при одновременном содействии усилению защиты интеллектуальной собственности, личной информации и кибербезопасности.

Таким образом, политика Японии в сфере кибербезопасности представляет собой совокупность достаточно слаженных действий, которые проводятся в жизненно важных сферах. Правительство страны принимает большое количество мер, делая особый акцент на подготовку квалифицированных кадров и дипломатическое сотрудничество в сфере кибербезопасности с другими государствами.

Тимонина Ирина Львовна

Д.э.н., проф. Института стран Азии и Африки ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова

Гастродипломатия Японии: экономические эффекты

Гастродипломатия – это представление страны через ее гастрономические (кулинарные) традиции, национальные продукты. Первым употребил термин «гастродипломатия» (gastrodiplomacy) в 2002 г. автор журнала «The Economist» в материале о Таиланде. Гастродипломатия является частью публичной дипломатии, инструментом «мягкой силы», направленным на формирование благоприятного имиджа страны, «национального бренда».

Гастрономические традиции, национальные продукты, способы их приготовления и подачи признаются международным сообществом элементами культурного наследия человечества. С 2008 г. ЮНЕСКО внесла в Список нематериального культурного наследия человечества тринадцать национальных кухонь, кулинарных традиций, продуктов. В 2013 г. в этот список была внесена и традиционная кулинарная культура Японии *васёку*, представленная в ЮНЕСКО в качестве социальной практики, основанной на совокупности навыков, знаний, практики и традиций, связанных с производством, переработкой, приготовлением и потреблением пищи, и опирающейся на дух уважения к природе и устойчивое использование природных ресурсов.

Гастродипломатия Японии является «многофункциональным» инструментом, с помощью которого решаются самые разные задачи. Наряду с выполнением дипломатических функций в качестве одного из элементов культурной дипломатии как «мягкой силы» и составляющей бренда «Япония», распространение японских кулинарных традиций за рубежом выступает как инструмент стимулирования экспорта продуктов питания и распространения японских ресторанов за рубежом, что особенно актуально в условиях относительного снижения конкурентоспособности экспортных отраслей обрабатывающей промышленности Японии. Повышение популярности и узнаваемости японской еды и кулинарных традиций за рубежом также может способствовать решению других социально-экономических задач страны – поддержки аграрного сектора и туризма, оживления сельских районов, привлечения инвестиций в Японию.

Ресторанная индустрия в Японии – это крупная отрасль, которая поддерживает занятость, в том числе и местных экономик. В 2018 г. рынок отрасли (по совокупной стоимости), где действовало более 591 тыс. ресторанов, кафе и баров, оценивался примерно в 29 трлн иен, а численность занятых составляла более 4 млн человек. Популярность японской кухни в мире велика и растет, что подтверждается распространением японских ресторанов за рубежом, число которых утроилось в 2013 – 2019 гг. – до 156 тыс.

Важным направлением деятельности Министерства сельского хозяйства является поддержание высоких стандартов качества и аутентичности японской кухни и продуктов за рубежом. Для того, чтобы не допустить дискредитации японских кулинарных традиций Министерство сельского хозяйства проводит сертификацию ресторанов японской кухни, а также занимается регистрацией (geographical indication GI) уникальных продуктов, обладающих характеристиками, связанными с их географическим происхождением. В рамках комплексной программы развития местного «сельского» туризма (rural tourism) в качестве основных достопримечательностей Министерство обязательно рекламирует местную кухню и продукты под лозунгом «Смакуйте Японию – попробуйте региональные вкусы!».

Гастродипломатия в Японии – это политика не только государства, но и предпринимательского сектора, и фактически осуществляется она на основе популярного ныне частно-государственного партнерства. В Японии действует целый ряд неправительственных некоммерческих предпринимательских организаций, связанных с темой еды. Наиболее влиятельными из них являются Японская ассоциация общественного питания (Japan Food Service Association) и Организация содействия японским ресторанам за рубежом (Organization to Promote Japanese Restaurants Abroad). Предпринимательские организации в кооперации с государственными (например, ДЖЭТРО) проводят семинары по практикам зарубежной экспансии для японских предпринимателей, организуют различные международные мероприятия, проводят обучение и тренинги по японской кухне в сотрудничестве с кулинарными организациями и школами в разных странах и играют большую роль в коммуникации ресторанного бизнеса и правительства.

На пути международного продвижения национальной кухни японский бизнес встречается с целым рядом проблем, связанных и со спецификой отрасли, и с особенностями привычек и вкусовых предпочтений людей в разных странах. Одной из объективных проблем является трудность достижения баланса между необходимой адаптацией к местным условиям и сохранением аутентичности национальной кухни. Кроме того, на повестке остается вопрос о соответствии японских продуктов требованиям системы международных стандартов безопасности пищевых продуктов НАССР (Hazard Analysis and Critical Control Points), что необходимо для того, чтобы японские производители могли экспортировать свою продукцию в европейские страны и США, а японские рестораторы могли использовать японские пищевые ингредиенты в своих заведениях за рубежом.

Белов Максим Викторович

Аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Роль электронной коммерции в развитии японского бизнеса

В эпоху бурного развития интернет-технологий сильную трансформацию переживает и мировая торговля. За последние 5 лет международный рынок электронной коммерции вырос более, чем в 3 раза, и ожидается, что достигнет 5 трлн долларов США в 2021г. [2,4]. Данное явление рассматривается правительствами многих стран мира как большая возможность для развития национального бизнеса. Электронная коммерция повышает конкурентоспособность предприятий, помогает снижать издержки на аренду торговых площадей, маркетинг и персонал, существенно снижает барьеры для выхода на международные рынки, что особенно важно для развития малых и средних предприятий, для которых ранее экспортная модель бизнеса представлялась одной из самых сложных и ресурсозатратных [6].

Объектом для анализа была выбрана Япония, как страна, в которой процесс проникновения электронной коммерции в экономику хотя и следует мировым трендам, осуществляется достаточно медленно. При этом начался от там раньше, чем в остальных странах, практически одновременно с США. Этот феномен во много объясняется особенностью менталитета японцев, которые привыкли к традиционному шоппингу. Процесс покупки товаров и услуг в интернете позволяет сэкономить время, но не доставляет столь большого удовольствия, как поход в реальный магазин. Именно поэтому в Японии сегодня развивается особая – гибридная – модель, которая не исключает присутствия бизнеса как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве [3].

Доля электронной коммерции в ВВП Японии составляет около 1,72%, а уровень проникновения в экономику больше - 9% [7]. Несмотря на замедленность темпов, уровень вовлечения электронной коммерции в экономику Японии продолжает расти и все больше предприятий вынуждены наращивать присутствие в онлайн-пространстве, осознавая важность его роли для развития предприятия в будущем. Однако не всегда плюсы электронной коммерции являются столь очевидными, ведь традиционный ритейл значительно от этого страдает. По прогнозам аналитического агентства Future Insight, в ближайшие 10 лет сумма арендуемых коммерческих площадей в Японии снизится почти на 7млн м². Рекордно низкие выручки фиксируют также крупнейшие торговоразвлекательные центры Японии и офлайн-ритейлеры [5]. Таким образом, развитие электронной коммерции оказывает как позитивное так и негативное экономическое влияние.

Основной задачей исследования является выявление характера данных трансформаций и их эффекта на развитие японского бизнеса. Необходимо понять, является ли переход торговли из реального пространства в виртуальное чем-то особенным, меняющим структуру ведения бизнеса и повышающим его эффективность в Японии. Или же этот процесс можно назвать ничем иным, как «перемещением рынка с одной площади на другую», что в любом случае приведет к изменению расстановки сил на рынке, однако не даст какого-либо качественного скачка для бизнеса, и, как следствие, экономики Японии.

Литература

1. Тимонина И.Л. Экономика Японии// Издательство «Восточная литература» РАН, 2008г.
2. UNCTAD. Geneva e-commerce week: Summary report. 2019.
3. UNCTAD. B2C e-commerce index report. 2019.
4. World Bank. E-commerce development report. 2019.
5. Future Sight, E コマース市場の拡大と小売業への影響, (Расширение рынка электронной коммерции и влияние на розничную торговлю)// 2014. – 28-31 .
6. JETRO 増える越境 EC 利用企業, (Растет число предприятий, вовлеченных в кроссбордерную торговлю в форме электронной коммерции)// 18.04.2019
7. Всемирный статистический портал: www.statista.com.

Лебедева Ирина Павловна

главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Образование и трудоустройство японской молодежи: от «общества среднего класса» к «разделенному обществу»?

В первые послевоенные десятилетия система образования стала важным инструментом выравнивания социального ландшафта японского общества и превращения его в «общество среднего класса».

В последнее время в Японии широко распространилось мнение, что у нынешней молодежи гораздо меньше шансов на достижение жизненного успеха через упорство в учебе, чем у предшествующих поколений и что японское общество все больше превращается в «разделенное» (*какуса сякай* или *gap society*).

Однако анализ статистических данных и материалов различных обследований позволяет сделать вывод, что и в плане доступа к образованию, и с точки зрения

возможностей трудоустройства молодежи нынешняя ситуация в чем-то даже благоприятнее, чем в период формирования «общества среднего класса»,

Что касается системы образования, то по сравнению с периодом 1960-х – 1980-х годов здесь можно обнаружить ряд позитивных изменений. Так, полное среднее образование стало всеобщим, повысилась доля детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, широкое распространение получило дополнительное внешкольное образование, произошел значительный рост доли выпускников школ высшей ступени, поступающих в университеты.

В то же время ряд факторов смягчает и сглаживает влияние, которое оказывает на доступ к хорошему образованию социально-экономическое положение семей.

Во-первых, данные японской статистики свидетельствуют о том, что в возрастных группах, оплачивающих образование детей, не происходит усиления расслоения семей по доходам, а, следовательно, не происходит и усиления влияния этого фактора на доступ к образовательным услугам.

Во-вторых, вследствие быстрого повышения доли японок и японцев, имеющих высшее образование, а также в результате роста в структуре занятости профессий, с которыми ассоциируется более высокий социальный статус, все большее число японских семей начинают обладать таким важным ресурсом, как социо-культурный капитал, который влияет и на успеваемость детей, и на их мотивацию, и на их усердие и т.д.

В-третьих, демографические изменения, а именно сокращение числа детей в стране, облегчают процедуру поступления как в школы высшей ступени, так и в университеты, делают даже наиболее престижные из них более доступными, чем прежде.

Что же касается трудоустройства японской молодежи, то по своей сути оно мало чем отличается от практики, сложившейся в период формирования «общества среднего класса». Как и прежде, хорошее образование рассматривается как инструмент, повышающий шансы на получение достойной работы (в идеале – места постоянного работника на условиях пожизненного найма), а в случае семей с невысоким социальным статусом – и как средство продвижения вверх по социальной лестнице.

В плане же возможностей получения постоянной работы, в том числе мест белых и синих воротничков в крупных и крупнейших компаниях, ситуация на рынке труда, сложившаяся в последние годы, может быть охарактеризована как весьма благоприятная. Более того, как показали наши расчеты, в последние годы даже карьера *сараримана* стала более доступна для молодых японцев, чем в 1980-е годы.

Хотя, на наш взгляд, нет оснований считать, что в последние два-три десятилетия произошло усиление неравенства в плане доступа молодых японцев к образовательным услугам и их стартовых возможностей, следует особо подчеркнуть, что сложившаяся система образования и трудоустройства японской молодежи не может не воспроизводить социального неравенства.

От прежних времен нынешняя система образования унаследовала такую черту, как иерархичность, ранжированность школ и университетов по степени престижности. Сохранились и сложившиеся под влиянием особенностей практики найма японских фирм механизмы взаимодействия между школами и университетами, между школами и компаниями, между университетами и компаниями, а, следовательно – и структурированность возможностей трудоустройства по линиям взаимосвязей, сложившихся между компаниями и учебными заведениями. Эти особенности и создают основу для воспроизведения социального неравенства, поскольку при такой системе шансы на получение молодыми людьми хорошего образования и хорошей работы распределяются неравномерно и в немалой степени зависят от финансовых возможностей и социального положения их семей.

Ситуацию могла бы изменить отмена платы за обучение в школах высшей ступени и университетах, но с учетом нынешнего состояния государственных финансов Японии (и

экономических последствий пандемии коронавируса) в обозримом будущем это представляется маловероятным.

Подоба Зоя Сергеевна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории азиатских экономических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ORCID: 0000-0003-1729-903X

Экспортная специализация Японии в 2000-2019 гг.

Исследование посвящено особенностям внешнеторговой модели Японии в период с 2000 по 2019 гг. Проведен комплексный анализ товарной и географической структуры японского экспорта на уровне двух знаков Гармонизированной системы описания и кодирования товаров для выявления изменений в экспортной специализации страны в начале XXI века.

По итогам 2019 г. Япония занимала пятое место по объемам экспорта и четвертое – по объемам импорта товаров в мире, хотя еще в начале текущего столетия ей принадлежало место в тройке лидеров мировой торговли [WTO, 2020]. Несмотря на внушительные абсолютные размеры экспорта Японии, его доля по отношению к ВВП относительно мала. По величине экспортной квоты Япония может быть отнесена к полуоткрытой экономике. За рубежом реализуется всего 11-15% ВВП.

На протяжении более тридцати лет Япония сохраняла положительное сальдо внешней торговли товарами, что отражало ориентацию экономики на экспорт и привело к формированию зависимости внешней торговли страны от нескольких крупных рынков, важнейший из которых – США. В последнее десятилетие торговый баланс Японии был нестабильным. В 2011–2015 гг. впервые со времени второго энергетического кризиса 1979 г. объемы импорта Японии превысили соответствующие показатели экспорта. Для стимулирования экспорта правительство Японии проводило постепенную девальвацию национальной валюты по отношению к доллару США, что вместе с общей стагнацией промышленности привело к сжатию объемов японского импорта. В 2016-2017 гг. Японии удалось вернуть положительное сальдо внешней торговли. Однако в 2018 г. внешнеторговый баланс вновь стал отрицательным на фоне повышения цен на энергоресурсы вследствие заключения сделки ОПЕК+, а также под влиянием замедления темпов роста экономики Китая и мировой торговли.

Япония – страна с очень диверсифицированным торговым портфелем, что подтверждается расчетами индекса товарной концентрации экспорта Херфиндаля-Хиршмана. Среднее значение индекса (0,012) для Японии за период 2000-2019 гг. указывает на то, что экспорт страны почти однородно распределен между товарными группами [WITS, 2020].

Для анализа экспортной специализации Японии был использован индекс выявленных сравнительных преимуществ (“Revealed comparative advantage”, RCA), разработанный Б. Баласса [Balassa, 1965], также часто называемый коэффициентом относительной экспортной специализации (КОЭС). По состоянию на 2019 г. Япония имела экспортную специализацию в 26-ти товарных группах: 7 из них относились к производству химических веществ, 5 – металлов и изделий из них, 3 – транспортных

средств, 2 – резиновых и пластмассовых изделий, 3 – текстильных изделий, 2 – неметаллических минеральных продуктов, 1 – машин и электротехнических изделий, 3 – прочее.

На основании результатов расчетов КОЭС было выделено несколько категорий товарных групп в зависимости от изменений в значении индекса в период с 2000 по 2019 гг. Самую большую категорию составляют 10 товарных групп с неизменно высоким значением коэффициента, свидетельствующего о наличии сравнительных преимуществ: органические химические соединения; прочие химические продукты; оборудование и механические устройства; суда, лодки и плавучие конструкции; каучук, резина и изделия из них; стекло и изделия из него и др. Две другие категории включают товары, для которых наблюдалось увеличение и снижение значения коэффициента в течение рассматриваемого периода. Следующая категория содержит две товарные группы, характеризующиеся потерей сравнительных преимуществ Японии: часы и их части; игрушки, игры и спортивный инвентарь. Последняя категория состоит из девяти товарных групп, в экспорте которых Япония смогла получить новые сравнительные преимущества в рассматриваемый период: пластмассы и изделия из них; продукты неорганической химии, соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов; экстракты дубильные или красильные, красители, пигменты; эфирные масла и резиноиды, парфюмерные, косметические или туалетные средства и др.

На изменение экспортной специализации Японии влияют как внутренние экономические условия, в частности, снижение производительности труда, так и внешние факторы, такие, как появление новых конкурентов, колебания мировых цен и обменных курсов, цифровая трансформация и т.д.

Секция 2. История и культура Японии

Щепкин Василий Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВР РАН, доцент Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ СПб

Формирование образа Петра I в Японии XVIII — 1-й пол. XIX вв.⁶

Доклад представляет результаты исследования истории распространения первых сведений о Петре I и формирования его образа в Японии в XVIII — первой половине XIX вв. В докладе выявляются предпосылки к использованию образа Петра I для популяризации идей модернизации страны по западному образцу, а также построения государства с сильной центральной властью. Особое внимание уделяется вопросу о степени влияния оценки деятельности Петра I в европейских странах, которая могла быть заимствована японцами при переводе голландских сочинений.

В результате устанавливается, что к концу XVIII века в Японии сформировался образ Петра I как выдающегося правителя, главным достижением которого стало

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»)

увеличение территории страны, тем самым объяснялось внезапное появление европейского государства России у северных пределов Японии. Первым более или менее подробным описанием фигуры и деятельности Петра стало сочинение Кудо Хэйсукэ «Изучение сведений о Камчатке», которое вообще являлось первым в Японии трудом, целиком посвященным России. В то же время такие современники Кудо Хэйсукэ, как Хаяси Сихэй и Хонда Тосиаки порой путали заслуги Петра со своей современницей Екатериной II.

На рубеже XVIII–XIX веков с возвращением в Японию побывавших в России моряков накапливаются сведения о содержательной стороне деятельности Петра. Автор «Кратких вестей о скитаниях в северных морях» Кацурагава Хосю с опорой на сведения Дайкокуя Кодаю и голландских источников подробно освещает содержательную сторону деятельности Петра. Интересным штрихом являются также сведения о памятнике Петру I в Петербурге — «Медном всаднике», который для японцев XVIII в., знакомых лишь с религиозной скульптурой, мог подчеркивать полубожественный статус российского правителя.

На материале взглядов таких мыслителей, как Ватанабэ Кадзан и Сакума Сёнан, мы видим, что к середине XIX в. пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться в Японии для подспудной критики косного взгляда чиновников центрального правительства на международное положение Японии и, как следствие, недальновидной внешней политики. Всё это создало предпосылки для распространения в Японии идей сильной центральной власти, коренных реформ и появления своего Петра — императора Мэйдзи.

Климов Вадим Юрьевич

к.и.н., с.н.с. ИВР РАН

Татибана Косай о христианстве в Японии

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде барона Ф.Р. Остен-Сакена хранится рукопись «Записка Владимира Яматова о христианстве в Японии». Датируется она 1863 годом и, по всей видимости, была передана на бумагу по распоряжению барона писцом Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи со слов японца Яматова Владимира Иосифовича (он же Татибана Косай), которого так стали называть после обращения его в православную веру. Сама Записка содержит сведения, в которых причудливым образом переплелись события как вымышленные, так и реально имевшие место в истории Японии, как связанные с христианством, так и не имевшие никакой связи с ним. Поэтому без профессиональных знаний по истории, культуре и литературы Японии невозможно отделить истину от вымысла, адекватно «читать» информацию, содержащуюся в Записке.

В тексте нет иероглифики, топонимы и имена собственные переданы кириллицей некорректно, поэтому приходится приложить немало усилий, чтобы понять, где то или иное событие происходит и ком идет речь. Например, сообщается, что христианское учение называется тремя словами: "Короби, Батерен, Ируман". Вряд ли русские могли в то время понять разницу между приведенными терминами, да и сам Татибана, не исключено, четко не видел между ними разницы, поскольку нет в записке никаких

разъяснений по этому поводу. В японских текстах слово *батэрэн* писалось либо катаканой *バテレン*, либо иероглификой *伴天連* и передавало португальское слово *padre*, то есть им обозначали в первую очередь португальских католических миссионеров, а позже испанских, итальянских священнослужителей, а также миссионеров иезуитского ордена. В дальнейшем этим словом стали называть и христианство, и христиан. *Короби* сокращение от *короби батэрэн*, *ころびバテレン*, *転びバテレン* употреблялось это слово для обозначения падре, священников, включая и монахов, отказавшихся от христианского учения и вступивших на путь сотрудничества с властями военного правительства, то есть священнослужителей-ренегатов, "падших священнослужителей". Верующих же, отказавшихся от христианского учения называли *коробимоно 転び者*. Священнослужители, монахи, верующие, которые отказывались от христианства, свидетельствовали перед буддами и синтоистскими божествами о своем отречении в письменной форме (этот документ получил название "*письменное свидетельство об отречении от христианства*" - *короби сё:мон*, *転び証文* - или же "*письменная клятва об изменении сознания (то бишь веры)*" (*кайсин сэйси 改心誓詞*). Слово *ируман* опять же образовано от португальского *irmao* и означало *братья*, то есть католические монахи, монастырское братство. Японцы также записывали это слово тремя иероглифами *伊留満 (ируман)*.

Яматов сообщает о восстании христиан на острове *Амакса* (топоним дан с редуцированным звуком *у* после согласной *к*). Сейчас принято транскрибировать название острова *Амакуса 天草*. Он говорит о мятеже 1651 г. в Эдо, не имевшего никакого отношения к христианам, о дискуссии в Хоммондзи школы Нитирэн (опять же не прослеживается никакого отношения к христианству), о трех видах наказания христиан.

В Записке Яматова нашли отражение события, которые произвели, видимо, большое впечатление на ее автора (восстание христиан в Амакуса, мятеж годов Кэйан), места, в которых он побывал (например, храм Хоммондзи школы Нитирэн), а также отдельные личности (к примеру, Юи Сё:сэцу, священнослужитель Нитидзю из храма Хоммондзи), Иными словами, в представленной Остен-Сакену Записке в неявной форме прослеживается жизненный опыт, биографические данные составителя, его интеллектуальный багаж.

Малашевская Мария Николаевна

к.и.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки,

Путешествия в социалистическую Евразию Сиба Рётаро и Иноуэ Ясуси (1960 – 1970-е гг.)

Представленный доклад посвящён теме развития гуманитарных и культурных связей между Японией и странами социалистической Евразии в 1960-1970-е гг. Конкретным предметом исследования выступают путешествия известных японских писателей Сиба Рётаро и Иноуэ Ясуси в евразийские социалистические страны, а точнее в евразийские регионы СССР и КНР, а также в МНР. Материалом для анализа и

реконструкции служат очерки и путевые записки писателей, изданные после посещения евразийского региона. Это «Сэйики моногатари» Иноуэ Ясуси («Повесть о Западном крае», 1968), изданная после путешествия в советскую Центральную Азию, «Монгору кико:» («Монгольские путевые записки») Сиба Рётаро, увидевшие свет в 1974 г. после поездки писателя через советский Дальний Восток в Монгольскую Народную Республику, и совместные сборник бесед Иноуэ Ясуси и Сиба Рётаро «Сэйики-о юку» («Путешествие по Западному краю»), собранный и опубликованный в конце 1970-х гг. по итогам поездки писателей в китайский Синьцзян-Уйгурский автономный район в 1977 г.

Изучение указанных текстов позволяет решить несколько задач: 1. Уточнить нюансы развития народной и культурной дипломатии Японии в отношении социалистических евразийских регионов: Иноуэ Ясуси и Сиба Рётаро посещали СССР, Китай и Монголию не частным образом, а будучи командированными крупнейшими информационными агентствами Японии (историко-дипломатический аспект); 2. Изучить конструируемый образ Евразии, адресованный широкой читательской и зрительской аудитории внутри Японии (имаголого-интеллектуальный аспект).

В «Сэйики моногатари» Иноуэ Ясуси рассказывает о своих путешествиях в Западный Туркестан в 1965 и 1968 гг., когда он посетил несколько советских центральноазиатских республик. Основное внимание уделено поездкам в район озера Иссык-Куль, в Тянь-Шань, в Самарканд. Автор не так подробно описывает реалии посещенных городов и районов, сколько уделяет внимание их историко-культурному своеобразию, повествуя о древних городах Центральной Азии, нивелируя их социалистическую современность в пользу древней и средневековой истории. История видится им через призму китайских источников и китайского наследия. По ходу посещения писатель обращает внимание на значение тех или иных мест для истории взаимодействия Китая с некитайскими народами и государствами т.н. Западного края.

В «Монгору кико:» Сиба Рётаро рассказывает о путешествии в Монгольскую Народную Республику через советский Дальний Восток и Сибирь (Хабаровск – Иркутск – Улан-Батор – Гоби) в августе 1973 года. Он говорит об увиденной им жизни советской сибирской глубинки и не обходит стороной вопрос об интернированных японских военнопленных. Вехи исторического развития разных государств и цивилизаций пересекаются в Сибири и Монголии. Повествование построено вокруг этапов непродолжительного путешествия писателя и его знакомства с монголкой-проводницей Цэвэгмаа, благодаря которой он посетил Гоби, жил в юрте в степи, гулял по улицам Улан-Батора. Сиба Рётаро опирается как на китайские источники в изложении историко-культурного своеобразия страны, так и говорит о наследии японской экспансии в Маньчжурию и советского влияния в Монголии. Он рисует эклектичный образ Монголии, указывая своему читателю на смешение элементов традиционного кочевого образа жизни и социалистической экономики. Он выдвигает тезис о противостоянии кочевой и земледельческой цивилизаций, который существенно разовьёт в более поздних работах.

Беседы Иноуэ Ясуси и Сиба Рётаро в сборнике «Сэйики-о юку» посвящены их путешествию в августе 1977 г. в Восточный Туркестан или Западный край КНР по маршруту Пекин – Урумчи – Или – Турфан – Хотан. Мысли авторов бесед обращены в большей степени к истории и культуре Синьцзян-Уйгурского автономного округа, истории посещений региона японскими первопроходцами, нежели его положению в КНР и социалистической экономической специфике. Древняя китайская история представляется главной ценностью в их дискуссиях.

«Социалистическая Евразия», а именно Сибирь, Монголия, Маньчжурия, Восточный и Западный Туркестан, скорее овеяны в глазах японских писателей мощным китайским и монгольским историческим наследием, культурным и этническим своеобразием и разнообразием. Образ Евразии предполагает разговор о взаимодействии с Китаем на протяжении нескольких тысяч лет в рамках парадигмы «цивилизация-варвары», затем, наследие кочевой цивилизации от скифов до расцвета кочевого государства в рамках Монгольской Империи, осуществление связи между Востоком и Западом, многообразие и сложность некитайской культуры. Социалистический компонент и идеология носят скорее вторичный, поверхностный характер, который мало затрагивает толщу евразийской культуры. Через тексты Иноуэ и Сиба широкая японская аудитория знакомится с наработками японских ученых, изучающих историю и культуру Евразии, а также с современным положением в регионе, переданным японскими писателями; в результате, создаваемый ими образ и оценки широко укоренены в общественной мысли Японии.

Серебрякова Светлана Георгиевна

Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

Японские военнопленные в Российской империи (1904 – 1905 гг.)

Русско-японская война (1904-1905 гг.) – значительное событие в истории русско-японских отношений. В многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных учёных освещены геополитические и экономические факторы войны, но не так много работ, посвящённых социальному аспекту русско-японской войны.

Что касается историографии вопроса, необходимо упомянуть англоязычную работу японского юриста Такахаси Сакуэ «Международное право в русско-японскую войну»⁷. Основная работа, охватывающая реалии жизни японских военнопленных в России, на русском языке – это научная статья И.В. Хохлова «Военнопленные русско-японской войны 1904-1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии»⁸. Немаловажным является труд японского правоведа Кида Ёсито «Проблема военнопленных русско-японской войны и международное право»⁹.

В настоящем исследовании произведен анализ русской и зарубежной историографии (в том числе японской, не переведенной на русский язык) по теме

⁷ SakuyeTakahashi. International Law applied to the Russo-Japanese War. – New-York: the Banks law publishing Co.,1908. – 836 p.

⁸ Хохлов И.В. Военнопленные русско-японской войны 1904-1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2015. В. Новгород, 2017. С. 189-201.

⁹ Кида Ёсито. Нитиро сэно: но хорё мондай то кокусайхо: (проблема военнопленных русско-японской войны и международное право) // Гундзи сигаку кан 40 гаппэйго: 2-3 (Военная история. Том 40, совместный выпуск № 2-3). Токио: кинсэйся, 2004. 「日露戦争の捕虜問題と国際法」 『軍事史学』 40 卷 2・3 合併号. 東京錦正社、2004 年.

японских военнопленных, а также источников того периода (текст Конвенции 1899 г.¹⁰, воспоминания самих пленных и нормативно-правовые акты Российской Империи).

Одной из главных причин этой войны было столкновение интересов России и Японии в Корее и Маньчжурии, а также поддержка Японии Великобританией, которая рассматривала продвижение России на юго-восток как угрозу своим интересам в Китае и Индии.

Война началась 27 января (9 февраля) 1904 г. нападением японцев на корабли русской Тихоокеанской эскадры на рейде Порт-Артура и на стоявшие в корейском порту Чемульпо канонерскую лодку «Кореец» и крейсер «Варяг». Победу в этой войне одержала Япония. Война закончилась подписанием 23 августа (5 сентября) мирного договора в американском Портсмуте.

Обращение с военнопленными регламентировалось Конвенцией «О законах и обычаях сухопутной войны», подписанной Россией и Японией в Гааге в 1899 г. Конвенцией предписывалось гуманное обращение с пленными, достаточное питание и лечение.

Во время русско-японской войны в плен было взято не более 3000 японских солдат и офицеров¹¹. Крупнейший лагерь для японских военнопленных располагался в селе Медведь Новгородской губернии. Существовали перевалочные пункты, где останавливались пленные на пути в село Медведь: Пермь, Пенза и Томск. Часть японцев осталась в Сибири до конца войны.

Для размещения военнопленных в с. Медведь были выделены казармы, возведённые в первой трети XIX века. В целом, условия их размещения были приемлемыми: пленные проживали повзводно в кирпичных казармах, хорошо освещённых, сухих и высоких, с хорошей вентиляцией. Правительство предоставило каждому солдату железную кровать, соломенный матрас, подушку, одеяло, два полотенца, наволочки, простыни и нижнее бельё¹². Офицеры и солдаты жили в разных корпусах.

Питание также было достаточным: один из дней выглядел так: «Обед: Рисовый суп с овощами и говядиной, гречневая каша. Ужин: Манная каша»¹³.

Несмотря на то, что в лагере были условия для лечения пленных, японцы жаловались на недостаток лекарств. Согласно докладу Т. Смита, посетившего лагерь, «командующий утверждает, что в аптеке есть только те лекарства, которые предписывает закон и что офицеры могли бы купить нужные лекарства в частной аптеке за свой счет, как это делают русские офицеры»¹⁴.

Что касается досуга, у японцев в плену было много свободного времени. Японским солдатам были разрешены прогулки по территории лагеря. У японских офицеров было больше свободы передвижения. Военнопленные имели возможность заниматься

¹⁰ Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre // [URL]: <https://ihl-databases.icrc.org/dih-traits/INTRO/150?OpenDocument> (дата обращения: 29.09.2020).

¹¹ Ронити сэно: дзидай но китё:на сясин сирё: Пётэрбургуудэ тэнранкай гакаймаку(Редкие фотографии времён русско-японской войны. В Петербург открывается выставка) 露日戦争時代の貴重な写真資料 ペテルブルグで展覧会が開幕// [URL]: <https://jp.sputniknews.com/opinion/201810035411905/> (дата обращения: 14.11.2020).

¹² SakuyeTakahashi. Op. cit. P. 97

¹³ SakuyeTakahashi. Op. cit.

¹⁴ SakuyeTakahashi. Op. cit. – P. 103.

творчеством: мастерить музыкальные инструменты из дерева¹⁵. Используя национальные японские музыкальные инструменты, которые они сами смастерили в лагере, японцы устраивали концерты на импровизированной сцене¹⁶.

После окончания войны пленные японцы и русские вернулись домой. Таким образом, можно отметить, что содержание японских пленнх в России, в целом, соответствовало нормам Конвенции (1899 г.). Несмотря на некоторые трудности, Петербург выполнил свои международные обязательства.

Толстогузов Сергей Анатольевич
Университет Хиросима

Рай Санъё и «Нихон гайси»

Рай Санъё (Рай Нобору) (1780-1832) родился в 1780 г. Его основные произведения были написаны на очень сложном для чтения и понимания языке – камбун, поэтому многочисленные переводы, которые были сделаны историками и литераторами всегда оставляют возможность для споров и трактовок.

Основное произведение Рай Санъё это «Нихон гайси». Наибольшую популярность оно приобретает в революционно-турбулентное время реставрации Мэйдзи, когда власть от сёгунов переходит в руки императорского дома. После этого это произведение получило важное место в системе идеологии государства Мэйдзи. Сильное политическое влияние этого труда сохранялось до конца второй мировой войны, когда трансформируется японская политическая система и императорский дом утрачивает власть в стране, что привело к тому, что произведение Рай Санъё постепенно стало терять политическое значение. В настоящее время автор и его работа попали в разряд тех, к кому почти нет интереса. Даже у тех, кто ставит в пример современным японцам активную жизненную позицию ярких представителей эпохи Мэйдзи, воспоминания о нем не вызывают большого энтузиазма.

«Нихон гайси» была задумана, как книга о власти самурайских домов в Японии. Рай Санъё в своей вступительной статье «Рэйгэн» писал, что «с самого начала ее целью этой работы было показать, как происходило возвышение и падение сёгунских домов».¹⁷ Поэтому ключевым термином истории Рай Санъё стал тайкэн (大権), который принят для обозначения верховной власти. В фокусе внимания Санъё был процесс перехода власти в стране. Автор внимательно прослеживает процесс перехода власти сначала от императорского дома самурайским домам, а затем от одного самурайского дома к другому, много внимания уделяя периодам смуты, стараясь восстановить процесс того, как происходила в это время борьба за власть и кто получал преимущества в ходе нее¹⁸.

¹⁵ Медведь // URL: http://soltsy.orthodoxy.ru/our_land/shimsk_area_files/medved/medved.html (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁶ Самурайские могилы в Новгородском селе // [URL]: <https://cyrillitsa.ru/posts/641-samurayskie-mogily-v-novgorodskom-sele.html> (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁷ Рай Санъё, Нихон гайси, перевод на современный язык Рай Сэйити, Рай Цутому, Токио: Иванами сётэн, 16 издание, 2016, т.1, с. 21.

¹⁸ Поэтому перевод названия Мендриным «История сёгуната в Японии» верно отражает суть этого произведения, хотя и не является точным переводом названия трактата.

С точки зрения морали самурайского сословия Санъё особенно высоко оценивает Минамото Ёритомо, который не стал выходить за рамки своего статуса (т.е. – претендовать на положение императорского дома – С.Т.) и тем создал в стране систему, которая существенно отличалась от китайской. В Японии сёгуны, а не император пользовались всей полнотой власти в Поднебесной, хотя и формально оказывали ему определенные услуги.¹⁹ Императору была оставлена функция предоставлять ранги в этой системе, не дававшая ему малейших рычагов власти. Такая форма правления сложилась во времена Минамото Ёритомо и продолжала существовать во всех сёгунатах. То есть Ёритомо отдана роль творца специфической системы управления в Японии, существовавшей с 12 по 19 век. Он не только основал бакуфу, но одновременно создал границу, которую нельзя было переступать, не нарушая прав императорского дома. Сёгун и император управляли в форме, удобной для обеих сторон, одновременно создавая сочетание, которое было абсолютно уникальным и не имеющим аналогов в китайской истории.

Читатели «Нихон гайси» имели склонность обращать внимание не оригинальные идеи автора, а использовать подобранный им материал для создания собственных построений и умозаключений. Из содержания «Нихон гайси» становилось понятно специфическое положение императора в политической системе сёгуната Токугава. Оно состояло в том, что с точки зрения ранговой иерархии, император находился на ее вершине, хотя и не имел реальной власти в стране. Поэтому работа, хотя не содержала революционных призывов, создала имела основу для истолкования ее в революционном смысле для борьбы с системой.

Император с определенного момента стал рассматриваться как альтернативный и в то же время законный, возникший задолго до появления сёгунов институт власти, в руки которого может быть передана (возвращена) власть в стране. Основания для такой трактовки давало также чжусианство, которое подчеркивало верность подданных правителю.

Противники сёгуната провозгласившими императора истинным правителем, и в конце концов сёгунат рухнул и на смену ему приходит императорское государство. Наблюдается явление, когда в целом второстепенный элемент существующей системы при определенных обстоятельствах приобретает особое значение, что приводит к разрушению всей системы.

Федянина Владлена Анатольевна

К.и.н., доцент, Заведующий кафедрой японского языка Московского городского педагогического университета (МГПУ)

Взаимодействие буддийской и синтоистской традиций на примере культа Тэндзин

Многогранная концепция *хондзи суйдзюку* («проявленные следы исконной основы») объясняла соотнесение будд и японских божеств *ками* и служила теоретическим обоснованием для развития синкретических религиозных культов, преобладавших в

¹⁹ Нихон гайси (Синсё канбун сосё, 1 изд.) Ред. Омате Кэйгэцу, Токио: Сисэйдо сётэн, 1910-1918, С.148.

Японии до реставрации Мэйдзи. В настоящем исследовании рассматривается формирование и развитие религиозного культа Тэндзин, существующего в Японии с X в. по настоящее время. Тэмман Дайдзидзай Тэндзин, Обходящее Небеса Великое Всемогущее Небесное божество, – это обожествленный ученый, поэт и политик по имени Сугавара Митидзанэ (845–903). Процесс обожествления Митидзанэ и дальнейшее развитие его культа происходили на базе концепции *хондзи суйдзяку*. Анализ механизма обожествления исторической личности в Японии и трансформации объекта поклонения способствует более полному пониманию религиозной ситуации в Японии, в том числе современной.

Данное исследование опирается на тексты культа Тэндзин (*энги*, тексты, записи откровений и молитв). Анализ различных точек зрения исследователей, а также исторический анализ и текстологический анализ текстов культа позволяют нам проследить изменения в толковании природы духа Митидзанэ и божества Тэндзин в рамках парадигмы *хондзи суйдзяку*. Ключевые моменты в изменении объекта почитания положены в основу нашей периодизации истории культа Тэндзин. Мы предлагаем выделять следующие периоды в развитии данного культа:

Появление и формирование культа в XI–начале XI вв. на базе *хондзи*

суйдзяку: от почитания духа умершего Митидзанэ как духа предка и разгневанного духа к сопоставлению его духа с другими божествами и трактовке как божества-дэва, защитника буддизма и верующих.

Хондзи суйдзяку позволяла не однозначные сопоставления божеств, в том числе японских *ками*, с буддийскими сущностями/понятиями. На первом этапе развития культа это привело к сопоставлению дух умершего Митидзанэ с божествами индийского происхождения (Дайитоку-мёо, дэвами – защитниками буддийского учения и др.) и бодхисаттвой Каннон.

Развитие культа в рамках парадигмы *хондзи суйдзяку* в период с XI в. и

до середины XIX в.: от защитника учения к спасительному и милостивому божеству (через отождествление с бодхисаттвой Каннон) и к божеству учености (*гакумонно камисама*).

В этот длительный период выделяются три основных этапа развития культа: (1) процесс отождествления с Каннон, XI–XII вв., (2) Тэндзин как воплощение Каннон в период преобладания буддизма, XIII–XVI вв., (3) Тэндзин как воплощение Каннон в период преобладания конфуцианской составляющей, XVII – первая половина XIX вв.

Функционирование культа Тэндзин как синтоистского культа вне

парадигмы *хондзи суйдзяку*, со второй половины XIX в. до наших дней.

После указа о различении *ками* и будд (1868 г.) синкретические культы с их доктринальным обоснованием на базе *хондзи суйдзяку* стремительно изменялись. Культ Тэндзин получил признание и поддержку правительства Мэйдзи, начал функционировать как синтоистский культ и приобрел общенациональный характер.

Данная периодизация отражает основные этапы сопоставления японских божеств *ками* и универсальных буддийских сущностей. Детальное рассмотрение каждого выделенного нами периода выявляет механизм трансформации объекта почитания: от духа умершего к «Небесному божеству», воплощению бодхисаттвы, божеству учености.

Фролова Евгения Львовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Развитие экодуховных практик в современной Японии: «места силы» и «лесные купания»

Ключевые слова: Экодуховные практики, контент-туризм, «места силы», «лесные купания», оздоровительные практики, осознанное потребление.

В последние несколько десятилетий в Японии, как и во многих развитых странах мира, появилась и активно развивается сфера экодуховности. Средства массовой информации, туристический бизнес, медицинские и коммерческие компании конкурируют за потребителя в этой сфере. Эта тенденция отражает растущий интерес к взаимосвязи духовных потребностей и экологических проблем, а также тех выгод, которые можно получить, предоставляя новые для рынка услуги. Новая терминология – «места силы» (яп. rawā supotto パワー スポット), «лесные купания» (яп. shinrin yoku 森林浴) и «лесная терапия» (яп. foresuto serapi フォレストセラピー), «невидимый глазу мир» яп. (me ni mienai sekai 目に見えない世界) – стала привычной частью потребительского дискурса. Хотя эти концепции относятся к разным категориям, они ярко показывают стремление к поиску потерянного равновесия между природной и антропогенной средой в мире, который задыхается от экологических проблем. Окружающей человека «нетронутый» среде, природе приписываются особые достоинства, наличие магических, непознаваемых сил.

С одной стороны, в Японии существовали все предпосылки для возникновения и развития новых экодуховных движений и концепций, поскольку взаимосвязь человека и природы лежит в основе анимистических и шаманских мировоззрений. Как традиционная религия синто, так и доктрина синкретического учения сюгэндо исторически сформулированы на основе предположения о том, что все элементы Вселенной взаимосвязаны. С другой стороны, значительное влияние на Японию оказали идеи различных движений оккультного и эзотерического характера, известных под общим названием Нью-эйдж (англ. New Age, букв. «новая эра»), зародившихся на Западе в 1970-х годах. Именно сообщества, входящие в Нью-эйдж, зачастую позиционируют свои учения не как религиозные, а как оздоровительные, образовательные или спортивные. В исследованиях о движении New Age нередко критикуется коммерческий аспект, однако коммерческая составляющая присутствует в любой религии. Например, создание туристической привлекательности вокруг такого «места силы», как Колодец Киёмаса, создается из ожиданий получения мирских благ (процветание, здоровье, успех в личной и профессиональной жизни).

Все новые концепции на базе экодуховных практик балансируют на грани научно-рационального и туманно-эзотерического подходов. Так, с 1982 г. в Японии началось создание научно-исследовательских центров «лесной терапии», задачей которых ставилось получить доказательства благотворного влияния пребывания в лесу на физическое и психическое состояние человека. В рекламе «лесных ванн» указывают на то, что осознанная прогулка в лесу снижает уровень кортизола и сахара в крови, активизирует иммунную систему и когнитивные способности, поднимает настроение и самооценку.

Однако прогулка должна быть именно осознанной, т.е. для достижения этих результатов нужно проделать определенную психологическую работу сродни медитации, что сближает оздоровительные практики с традиционными религиями. Но наряду с медицинскими в рекламе приводятся и другие, вполне иррациональные аргументы: слияние с аурой леса, благотворное влияние духа деревьев, «возвращение к корням».

Экодуховные практики можно рассматривать в свете набирающего популярность контент-туризма. Они активно используются как средство маркетинга для привлечения туристов в регионы Японии. Департамент лесного хозяйства Японии с 2006 г. объявляет определенные участки лесов в различных частях Японии «базами лесной терапии». Сразу вслед за этим туристические агентства начинают предлагать комплексные туры «лесных купаний» со специализированными гидами-наставниками. Причем таким образом развивается не только внутренний туризм, но и внешний — например, на сайте «Японской национальной туристической организации» (JNTO) можно найти раздел на японском и английском языках, посвященный маршрутам к популярным «местам силы» и «лесных купаний». Кроме того, эти места легко могут быть интегрированы в традиционный религиозный ландшафт. Научный интерес к «местам силы», «лесной терапии» и «невидимому миру» в Японии заключается в том, что они могут рассматриваться как часть глобальной сети духовных движений, которые набирают популярность в обход традиционных религиозных доктрин.

Литература:

Spirits and Animism in Contemporary Japan: The Invisible Empire/ Ed. Fabio Rambelli. Bloomsbury Academic, 2019. 240 p.

Катаяма Акихиса. Исследование роли туристов в политике возрождения регионов Японии (片山 明久. 地域の文化政策における旅行者の役割に関する研究). Канд. дисс. Изд-во ун-та Досея, 2014. 118 p.

Секция 3. Проблемы исторической памяти во внутри- и внешнеполитическом дискурсе современной Японии

Гришачев Сергей Викторович
К.и.н., доц. НИУ ВШЭ

Послевоенные идентичности Японии и России и исторические обиды

В докладе рассматривается процесс формирования современных представлений о двусторонних отношениях между Россией и Японией XIX-XX вв. в обществах этих стран. Обе страны оказались в противоположных военных союзах в годы Второй мировой войны, но и в послевоенный период они продолжали – уже в иной конфигурации – оставаться по разные стороны баррикад. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на общественные представления об истории отношений. Довольно часто они расходятся кардинальным образом, особенно когда речь заходит о 1 половине XX в. Осознанно внедряемые посредством кинематографа, мультипликации, художественной и научно-популярной литературы образы этого прошлого стали частью национальных идентичностей, обе стороны имеют друг к другу взаимный счет. Однако в силу ряда обстоятельств диалог по этим претензиям ведется совершенно в ином русле, нежели

диалог по проблемам исторического прошлого между Японией и другими странами Восточной Азии.

Кульнева Полина Викторовна,
К.э.н., научный сотрудник, ИВ РАН

Японская агрессия и компенсация морального ущерба: непринятие Китаем японских извинений²⁰.

Несмотря на то, что и премьер-министры Японии, и японские императоры (сначала Хирохито, затем – Акихито) в разное время упоминали о войне и выражали своё сожаление народам Азии за японскую агрессию, китайское руководство и жители КНР по-прежнему считают эти извинения недостаточными. По данным аналитического центра Genron NPO, причиной плохого отношения к Японии у более половины китайских респондентов является то, что «Япония не принесла извинений и не раскаялась в должной мере за свою агрессию в Китае». Как отмечено в одной из публикаций агентства «Синьхуа» по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны, «в действительности, не такое большое число государственных лидеров Японии принесли после Второй мировой войны извинения за агрессивные действия страны».

Непринятие Китаем извинений японской стороны чаще всего связано с тем, что они были «слишком поздними» и «недостаточно конкретными». Действительно, прошло немало времени, пока официальное отношение к военным событиям было четко сформулировано премьер-министром Т. Мураямой в 1995 году. Хотя слова сожаления звучали из уст государственных лидеров Японии и раньше, историческое заявление Т. Мураямы получило наибольшую известность и цитировалось последующими премьер-министрами Японии, став основой для официальной позиции японского правительства.

Ещё одним поводом для критики является неконкретность формулировок извинений. Возмущение Пекина вызывает их слишком общий характер: в большинстве случаев речи адресованы не Китаю, а народам Азии в целом или «народам Азии, в том числе китайскому»; не указывается, за какие именно действия приносятся извинения, за какой период истории и т.п. Недовольство вызывает также несоблюдение необходимых формальностей – далеко не все речи подкреплены официальными документами.

Анализируя причины противоречий, необходимо отметить важность церемониала для китайской стороны, когда форма приобретает более важное значение, чем содержание. В данной ситуации ярко проявляются и социокультурные различия: японская культура высокого контекста сталкивается здесь с более привычной для китайцев конкретностью и прямолинейностью.

Приоритет формы над содержанием приводит к тому, что китайская сторона акцентирует внимание на употреблении конкретных слов. Благоприятную почву для этого создаёт обманчивое сходство слов с китайскими корнями (канго), заимствованных в японский язык из китайского более 1000 лет назад и, во многих случаях, изменивших свою сферу употребления. Наиболее известный инцидент произошёл в 1972 г. при переводе на китайский язык слова мэйваку (迷惑 – «беспокойство») слишком лёгким для

²⁰ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19 18 00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

требуемого контекста китайским словом мафань (麻烦 – «хлопоты»). Вследствие различий в употреблении не всегда адекватно воспринимаются китайской аудиторией понятия хансэй (反省 – «раскаяние, переосмысление») и икан (遺憾 – «сожаление»), а также некоторые общие формулировки, как, например, «несчастливая страница истории».

Так и не достигнув полного взаимопонимания, Япония и КНР продолжили двигаться по пути всестороннего расширения двусторонних контактов на волне глобализации. Считая, что проблема исчерпана, японское руководство со временем сменило риторику. В отличие от Т. Мураямы, премьер-министр С. Абэ в своих речах, связанных с войной, больше не делал акцент на колониальном правлении и агрессии, а подчёркивал роль внешних факторов в военных событиях и искал оправдания действиям Японии. МИД Японии настаивает на том, что будущие поколения должны быть освобождены от бремени, связанного с чувством вины. Вкупе с усложнением международной повестки и всё более частым возвращением в неё вопросов исторического прошлого это создаёт дополнительные проблемы в японо-китайских отношениях.

Дацышен Владимир Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, Институт востоковедения РАН

«МЯГКАЯ СИЛА» В СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА «СССР-ЯПОНИЯ»²¹.

После Второй мировой войны СССР и Япония остались геополитическими противниками. Более того, между двумя странами не был заключен мирный договор и возникли территориальные проблемы. Однако политические и экономические реалии создавали не только возможность, но и необходимость для всестороннего и взаимовыгодного советско-японского сотрудничества. Исследователи указывали: «Последняя советско-японская война 1945 г. оставила в отношениях двух стран противоречия, не разрешенные до настоящего времени. Уже в 50-е годы наметилась тенденция установления более тесных государственных и торговых связей между ними, но... Следовало, прежде чем расширять государственные и экономические связи, преодолеть негативное отношение друг к другу...» [Царек. С. 78].

В сложных условиях политических отношений советские государственные структуры инициировали создание общественных организаций, призванных развивать советско-японское сотрудничество. В июне 1958 г. было создано Общество «СССР – Япония». Эта общественная организация была структурным подразделением созданного в феврале 1958 г. Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

Для большей эффективности сотрудничества по линии общественных организаций в Советском Союзе были созданы региональные отделения

²¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (грант № 19-18-00017)

Общества «СССР – Япония». Одним из первых в СССР и единственным в Сибири было Иркутское отделение Общества «СССР – Япония». В Иркутске отделение Общества «СССР – Япония» было создано как подразделение открытого 21 марта 1959 г. Иркутского отделения ССОД. Общество «СССР-Япония» занимало особое место в системе ССОД. Япония, в отличие от других партнеров, не относилась к числу «дружественных стран». Это отражалось не только в названии отделения, и в структуре и в содержании работы.

Иркутское отделение Общества «СССР – Япония» возглавила директор Физико-технического НИИ при Иркутском государственном университете (ИГУ) В.А. Ларина. В состав актива Иркутского отделения общества кроме «общественных функционеров» и представителей власти входили, например, директор Иркутской спецполиклиники, председатель Иркутского Комитета радиовещания и телевидения и даже мастер завода им. Куйбышева.

Японское общество в Иркутске начало работало активно. Уже в 1959 г. в Японию отправили два фотоальбома о регионе и другие материалы. На следующий год Иркутский дворец пионеров приготовил по линии Общества для отправки Японию выставку детского рисунка и большую фотовыставку. Одно из первых мероприятий в рамках Общества в 1960 г. было описано следующим образом: «В сентябре в Иркутскую область из Японии приезжал господин Иосида в сопровождении работника Союза обществ дружбы т. Фурсова... Завершением его пребывания в Иркутской области было приглашение на обед к профессору Лариной В.А. ... Член социалистической партии Японии, член Японского парламента оказался за столом в стопроцентном окружении коммунистов. Но господин Иосида здесь себя чувствовал прекрасно... А в конце забрал адреса у всех членов семьи Лариных, дав им имена и адреса своих членов семьи» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 5. Л. 68].

В начале 1960-х гг. Общество «СССР-Япония» быстро расширяло свою деятельность. В «Проколе Заседания правления Иркутского отделения общества СССР-Япония, состоявшегося 5 апреля 1961 года» говорилось: «активизировать, завязать переписку со школами Японии, для чего к этой цели подключить одну из лучших школ города, дворец пионеров» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 123. Л. 47]. В том же году представительницы Японии побывали на съезде женщин Иркутской области. В документах указывалось на сложности во взаимном общении, но мероприятие закончилось на позитивной ноте: «одна из членов туристической группы Японии взяла слово для ответной речи. Она говорила с жаром, одновременно бросая красные бумажные журавлики в публику. Она призывала к миру и дружбе, давала обещание, что женщины Японии будут защищать мир всеми силами... От всего происходившего в театре женщины-японки плакали, вытирая слезы, дарили сувениры, значки, много разговаривали с русскими женщинами, обнимали их, обменивались с ними адресами» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 84].

В отчете за 1961 г. так же говорилось: «Мы еще встречали несколько туристических групп из Японии и одну делегацию Социалистической партии во главе Коно Мицу /она у Вас была/. Японские люди в основном к нам относятся хорошо и всегда благодарны за прием» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 86]. Были и другие оценки японцев со стороны членов общества «Япония-СССР». Например, после встречи в 1961 г. одной групп японцев, приехавших в Иркутск в качестве туристов, сообщалось: «Из всех их «шуток» мы поняли, что эти люди заигрывают с народом, с демократией, но крепко цепляются за существующий порядок, дабы не потерять свое богатство. На наши вопросы, почему мы перестали от общества Япония-СССР получать корреспонденции, они нам тоже отвечали какой-то непонятной шуткой» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 85].

В 1960-х гг. стали портиться отношения Советского Союза с некоторыми союзниками. Деятельность же Общества «СССР-Япония», наоборот, активизировалась, стала носить более многогранный характер. Летом 1963 г. Иркутск посетила делегация во главе с мэром города Канадзава, в ходе этого визита впервые была высказана идея побратимства городов. Иркутские общественники вступили в контакт с обществом «Япония-СССР» города Канадзава префектуры Исикава. Стороны обменивались литературой, письмами, детскими рисунками. В начале 1965 г. префектура Исикава отправила в Иркутск делегацию Федерации отделений Общества «Япония – СССР» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 40. Л. 47]. Глава этого общества Сигэки Мори писал: «Развитие регулярного обмена делегациями между нами и расширение культурных связей ускоряют в дальнейшем заключение соглашения об установлении братских связей между городами Канадзава и Иркутск. Мы в настоящее время готовимся к успешному проведению месячника японо-советской дружбы этого года, по поводу которого мы развертываем движение за ускорение заключения мирного договора между правительствами Японии и Советского Союза...» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 40. Л. 48].

В 1965 г. побратимские отношения между городами Канадзава и Иркутск были скреплены подписями под соглашением по государственной линии в Иркутском городском Совете, куда приехал мэр города Канадзава. В сообщениях ТАСС за 1965 г. говорилось: «Иркутск, 27 августа... В Иркутске состоялся общегородской вечер советско-японской дружбы, на котором с представителями местной общественности встретились японские участники хабаровской встречи на мир и дружбу. Акира Цуцуи, постоянный секретарь Совета профсоюзов города Осака, заявил, что три резолюции и коммюнике, впервые в истории взаимоотношений народов Японии и СССР принятые на этой встрече, «отвечают чаяниям всех честных и передовых людей»...» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 40. Л. 21].

В дальнейшем Иркутское отделение Общества «СССР – Япония» оказалась самой стабильной и успешной в Восточной Сибири среди всех общественных организаций, деятельность которых была направлена на развитие дружбы и сотрудничества с другими странами.

Таким образом, деятельность Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» показывает эффективность политики «мягкой силы» в условиях неразрешенных проблем в двухсторонних отношениях

Библиографический список

Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).

Царек И.Ф. Становление и развитие дружеских связей молодежи СССР и Японии в 60-70 годы. // Россия, Сибирь и страны АТР. / Тезисы докладов к научно-практической конференции. - Иркутск, 1994. С. 77-80.

Дьячков Илья Владимирович

доцент кафедр востоковедения и японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России; сотрудник ИВ РАН

Проблема скал Лианкур (остров Токто/Такэсима) как пример политической эксплуатации вопросов прошлого²²

Республика Корея и Япония воспринимают проблему скал Лианкур (корейское название – остров Токто, японское – Такэсима) как один из ключевых региональных вопросов, затрагивающих их внешнеполитический имидж. Стороны выдвигают различные исторические аргументы, уходящие в ранее средневековье, однако вопрос превратился в международно-политический лишь недавно – в середине XX в. Проблема Токто «тлела» в течении всего послевоенного периода. Периодические обострения, например, в 1970-х и 1990-х гг. были связаны с практическо-экономическими факторами – в частности, неурегулированностью вопроса исключительных экономических зон (ИЭЗ) в спорной акватории. В начале XXI в., однако, вопрос существенно обострился и стал звучать в первую очередь как историко-политический.

Для корейцев такие тривиальные на первый взгляд вопросы, как название Японского моря или суверенитета над и так принадлежащей Югу группкой небольших скалистых островов, оказываются связаны с воспоминаниями о колониальном унижении всего народа и поэтому настолько же принципиальны, как ключевой вопрос региональной безопасности. С другой стороны, японский национализм по-прежнему не удовлетворён итогами Второй мировой войны и последовавшим «унижением» страны, и поэтому крайне негативно относится к идее каких-либо уступок, тем более – бывшим колониям. Такой настрой обеих сторон препятствует дипломатическому урегулированию.

В литературе нередко спор по поводу острова объясняется его объективной ценностью. Тем не менее, даже если самые оптимистичные авторы недооценивают богатства Токто, его символическая, эмоциональная значимость многократно превосходит реальную. Что же касается «исторической правды», она мало интересует обе стороны: нарратив конструируется исходя из заведомо заданной позиции. Нетрудно заметить, что Сеул и Токио в своих материалах оперируют одними и теми же фактами и, не отрицая реальность событий или подлинность документов, дают им диаметрально различные интерпретации.

При этом для Южной Кореи и Японии целью становится не «защита» острова, а, скорее, сохранение самой проблемы, которая наряду с другими историческими вопросами

²² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (грант № 19-18-00017)

становится внутри- и внешнеполитическим инструментом. Обращение к ним используется для внутренней мобилизации, отвлечения от проблемных для власти сюжетов или давления на партнёра, а когда интересы более высокого порядка требуют сближения с «неприятным» партнёром – вопрос «выносятся за скобки» (так, например, было в ходе выработки соглашения о нормализации японо-южнокорейских отношений 1965 г.).

Вопрос Токто, особенно остро звучавший в период пребывания у власти президентов-консерваторов Ли Мёнбака и Пак Кынхе, на фоне «увлечения» другими историческими темами в последние годы ушёл на второй план. Тем не менее, обмен выпадами на эту тему продолжается и, похоже, не может прекратиться. Несмотря на принципиальные разногласия по большинству вопросов между сменяющимися друг друга южнокорейскими администрациями от Ли Сынмана до Мун Чжэина, за прошедшие 70 лет по вопросу Токто не поменялась не только позиция Сеула, но и вся сопутствующая идеологическая «фразеология». Объединяющая сила антипатий к Японии в корейском политическом поле настолько велика, что они порой являются точкой для сближения позиций даже Севера и Юга.

До сих пор ситуация вокруг Токто была достаточно стабильной. Сторонам выгодно не доводить ситуацию до открытого столкновения, поддерживая конфликт в вялотекущем состоянии, чтобы использовать его как инструмент решения конъюнктурных политических задач. Тем не менее, последнее время в японо-южнокорейских отношениях исторические споры стали оказывать прямое негативное влияние на практическое сотрудничество несмотря на различные сдерживающие факторы. Остаётся надеяться, что у Сеула и Токио хватит благоразумия воздержаться от дальнейшей политической эксплуатации национализма, и остров Токто не станет новой горячей точкой и без того беспокойного региона.

Нелидов Владимир Владимирович

старший преподаватель, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России; научный сотрудник, Центр японских исследований, ИВ РАН.

Факторы актуализации проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами²³

Ключевым элементом памяти о Второй мировой войне в Японии является представление о японском народе как жертве этой войны. Что касается проблемы ответственности за военное прошлое, то на протяжении послевоенных десятилетий она занимала периферийное место в общественном сознании, особенно если сравнивать ситуацию с тем, каким было отношение к памяти о Второй мировой войне в германских государствах и, позже, в объединенной Германии. Эта проблема становится более заметной лишь к концу XX века, но деятельность поднимавших эти вопросы общественных организаций и политиков породила ответную реакцию со стороны правых и ревизионистских сил, считавших, что Япония должна перестать бесконечно каяться за преступления прошлого. К настоящему времени по этому вопросу сложилось своеобразное равновесие: находящиеся у власти консервативные силы, как правило, не позволяют себе открыто ревизионистских высказываний, при этом, однако, стараясь не акцентировать проблему ответственности за военное прошлое – даже когда к власти приходят политики, не скрывающие своих националистических взглядов.

²³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»)

Но если во внутренней политике Японии проблемы исторического прошлого не являются источником острой конфликтности, то во внешней политике ситуация обстоит иначе. В последние годы наблюдается рост актуальности проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями, обусловленный сочетанием ряда факторов, далеко не ограничивающихся регионом Северо-Восточной Азии. В докладе будут рассмотрены эти факторы и их влияние на отношения Японии со странами-соседями. В частности, среди причин актуализации проблем исторического прошлого могут быть названы: общее возрастание конфликтности в международных отношениях (побуждающее государства искать средства давления на соседей, причем одним из таких средств оказываются именно исторические обиды); повышение значимости информационно-пропагандистского инструментария в международной политике, обусловленное, в том числе, возрастанием роли СМИ; повышение значимости во внутренней политике многих государств общественного мнения, эмоциональная реакция которого на вопросы исторического прошлого может быть и инструментом в руках правительств, и автономной силой, способной создавать конфликты на почве исторических обид. Те или иные из указанных факторов играют свою роль и в превращении проблемы «женщин для утешения» в частности и наследия японского колониального владычества вообще в один из наиболее существенных факторов деградации японо-южнокорейских отношений, и в том, что победа над Японией занимает все более значимую роль во внутривосточном дискурсе в России.

То, что ни одна из этих тенденций не является феноменом, свойственным исключительно Восточной Азии, означает, что процессы, ведущие к тому, что в отношениях Японии со странами-соседями проблемы исторического прошлого становятся все более значимым отягощающим фактором, обусловлены не только и даже не столько спецификой Восточной Азии или конкретными нынешними и прошлыми «грехами» Японии, сколько общемировыми тенденциями. В этом смысле изучение проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями приобретает особую значимость.

Перминова Вера Александровна

Институт востоковедения РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Проблема «женщин для утешения» на Тайване: внутри- и внешнеполитические аспекты

Тайвань, находившийся в течение полувека под управлением Японской империи (1895–1945 гг.), до сих пор остаётся единственным регионом, жители которого не акцентируют внимание на негативных сторонах колониального периода. Обсуждение в тайваньском обществе проблем исторического прошлого, как правило, ограничивается двумя вопросами – это оспаривание суверенитета над островами Дяюйдао/Сэнкаку и требование от Японии компенсаций бывшим «женщинам для утешения» (慰安婦 *вэйаньфу*). При этом обе эти проблемы, если и появлялись на внутривосточной повестке, никогда не стояли остро и не оказывали существенного влияния на развитие традиционно тесных японо-тайваньских связей.

О компенсациях бывшим «женщинам для утешения», так же как и в других регионах, на Тайване впервые заговорили открыто в начале 1990-х гг. после публикации материалов, которые доказывали непосредственную причастность японских властей к организации системы «станций для утешения» (慰安所 *вэйаньсо*). Одной из основных причин замалчивания проблемы насильственной отправки тайваньских девушек для нужд японской армии была необходимость администрации КР налаживать послевоенные политические и экономические связи с внешним миром, в том числе и со своим союзником и торгово-экономическим партнёром – Японией. Хотя вопрос о компенсациях бывшим *вэйаньфу* формально был решён в середине 90-х гг., когда эти женщины получили выплаты либо из японского Фонда женщин Азии, либо непосредственно от тайваньских властей, эта проблема периодически появлялась на внутривластной повестке, вновь поднимая вопрос о трактовке японского колониального присутствия на Тайване и роли Японии в становлении современной КР.

Специфика проблемы «женщин для утешения» на Тайване состоит в том, что периодические «всплески» интереса общественности к этой проблематике, если и отмечались на острове, то далеко не всегда были напрямую обусловлены попытками японской стороны пересмотреть собственную историю или «выбелить» отдельные эпизоды военной агрессии в Азии. Дискуссии в обществе по поводу компенсаций бывшим *вэйаньфу* зачастую были сильно политизированы и нередко переходили на уровень межпартийного противостояния – главным образом, между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией (ДПП). Даже в те периоды, когда вопрос о «женщинах для утешения» выходил на уровень общественно-политической проблемы, он не становился фактором, серьёзно осложняющим отношения между Токио и Тайбэем, и не влиял на неизменно высокие показатели имиджа Японии на Тайване. Внимание широкой общественности в периоды актуализации проблемы *вэйаньфу*, как правило, сфокусировано не столько на вопросе трактовки военного прошлого Японии, сколько на дискуссиях по поводу дальнейшего политического курса КР, её места в международном сообществе, а также роли японского колониального правления в формировании уникального культурно-языкового кода островитян, лежащего в основе тайваньской идентичности.

В докладе анализируются подходы руководства КР к решению проблемы «женщин для утешения», её связь с внутривластными процессами на Тайване и её влияние на взаимоотношения между Токио и Тайбэем. Временные рамки исследования охватывают период с 1990-х гг. по настоящее время, при этом особое внимание уделено периоду активной демократизации тайваньского общества при президенте Ли Дэньхуэе 李登輝 (1988–2000 гг.), когда проблема *вэйаньфу* впервые появилась на повестке японо-тайваньских отношений, и актуализации этого вопроса при президенте Чэнь Шуйбяне 陳水扁 (2000–2008 гг.).

Стрельцов Дмитрий Викторович

Д.и.н., проф., завкафедрой востоковедения МГИМО МИД России, в.н.с. Института востоковедения РАН

«Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии

«Дипломатия извинений» играла важную роль в послевоенной политике Токио по примирению с восточноазиатскими странами. Однако эта политика была не вполне успешной, во многом по причине неудовлетворенности партнеров чересчур мягкими формами извинительной лексики со стороны японских официальных лиц, а также недостаточной, по их мнению, степенью раскаянья в их словах. Многие из них продолжают считать, что полноценное примирение с Японией невозможно, так как на официальном уровне там отсутствует однозначно отрицательная оценка милитаристского прошлого, а послевоенное урегулирование отношений с ней проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики.

В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены решениями Токийского трибунала и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости. На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным.

Чугров Сергей Владиславович

Д.соц. н., проф., проф. Кафедры социологии МГИМО МИД России

Отношение к итогам Второй мировой войны у японской молодежи сегодня (по опросам студентов Университета Сока, лето 2020).

75-летие со дня окончания Второй мировой войны – исторический рубеж, характеризующийся приходом поколений, у которых отсутствует личный опыт переживания войны, а также кризисом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений (МО). В фокусе этого исследования – процесс переосмысления итогов Второй мировой войны в Японии как часть наметившегося мирового тренда к разрушению общего понимания военного прошлого. Редуют ряды ветеранов войны и первого послевоенного поколения, пережившего тяготы послевоенной разрухи и восстановления, которые помнят отголоски той войны по приметам детства и живым рассказам родителей. Сегодня им на смену уже пришло «поколение постпамяти» — потомков носителей травматического опыта, а коллективная память приобретала диахронический аспект, то есть возможность конструировать самоидентичность исходя из чужих воспоминаний.

Анализ восприятия итогов Войны на Тихом океане нацелен на комплексное осмысление взаимовлияния смены модальности мышления и формирования новой конфигурации политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе с точки зрения перспективы российско-японских отношений. Результаты дискурс-анализа подтверждаются данными анкетирования 166 студентов Университета Сока (Токио) по проблеме отношения к итогам войны данными полевых исследований, проведенного автором во время работы в течение семестра (апрель – июль 2020 г.) в качестве приглашенного профессора. Опрос студенческой аудитории приводит к выводу, что значительную часть японцев, особенно когорты 20-летних, тяготит продолжающееся пребывание в «послевоенном периоде» в статусе «проигравшей нации», который напоминает об ответственности за Войну на Тихом океане. В сознании нации произошел «взаимозачет Перл-Харбора и Хиросимы-Нагасаки», явно чувствуется наступление «усталости от извинений» (apology fatigue), которая предвосхищает очевидный отход от «политики извинений». Результаты опроса приближают нас к ответу на главный вопрос

исследования: хочет ли молодежь чувствовать ответственность за действия (причем, по умолчанию, преступные действия) из дедов и агрессивную войну, которую развязали совершенно далекие им люди из «полумифического прошлого». Действительно, анонимная часть опроса убедительно свидетельствует, что тех, кто не желает чувствовать ответственность за «прегрешения» предков, вдвое больше, чем согласных разделять такую ответственность. Вывод: значительная часть (две трети) молодежи не склонно ассоциировать себя с ответственностью за Вторую мировую войну, которую развязали те, чей прах давно обрел вечный покой.

Мы видим, как на наших глазах нарастают протестные настроения нового поколения – и в Японии, и вообще на Западе – в виде уточнения идентичности, стремления выйти из текущего состояния усложняющегося социума и ощущения вины за далекое прошлое. И это в целом нормальный процесс реформирования системы ценностей и национального сознания.

Карелова Любовь Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН

Проблемы военно-исторической памяти в риторике и заявлениях премьер-министров Синдзо Абэ и Ёсихидэ Суга

В докладе рассматриваются примеры интерпретации проблем исторической памяти в риторике двух последних премьер-министров Японии. В книге бывшего премьер-министра Синдзо Абэ «К красивой стране» в контексте его концепции национальной идентичности и возвращения уважения к государству и истории затрагивается целый спектр проблем в том числе посещения храма Ясукуни, отношения к военным преступникам, женщин для комфорта, политики национального образования. Важным документом является заявление Абэ от 14 августа 2015 г., провозгласившее политику «активного вклада Японии в мир на основе международной кооперации». На основании первых выступлений и политических шагов премьер-министра Суга делается предположение, что при попытке сохранения консервативно-реформаторского курса Абэ и принципиальных позиций по основным внешнеполитическим вопросам одной из стратегических целей внешней политики нынешнего кабинета станет смягчение противоречий с Китаем и Кореей.